

Часть 1

— В жару такое постоянно.

Ранний июнь, уже душный и жаркий, но пока ещё не совсем дождливый[□]Сезон дождей в Японии начинается в районе 7 июня и заканчивается около 20 июля.. Ёсихико вышел прогуляться и заодно заглянуть в храм Онуси.

В храме было зелено от сочной листвы на деревьях. Меж ветвей плясали утренние летние лучи. Прихожан было немного, погулять по горе Онуси в это время приходили только старики.

— Ладно, мы не запрещаем устраивать здесь ночные попойки, но зачем оставлять после себя такой бардак?

Однако пасторальную картину портило раздражённое лицо Котаро, на которого Ёсихико наткнулся у храмового магазина.

— И вообще, ночью в японских храмах жуть как страшно. Зачем тащиться именно сюда?

Жрец ворчал на непрошенных ночных гостей. Храм Онуси, как и многие другие, не огорожен по периметру ни стеной, ни даже забором. Конечно, у зданий есть двери, однако по территории можно гулять даже глубокой ночью. Несмотря на все камеры, датчики, контракт с охранным предприятием и ночных сторожей, следить ночью за всей молодёжью всё равно невозможно. Поэтому, по словам Котаро, сегодня утром вся территория, особенно лестницы, вновь оказалась заваленной разовыми стаканчиками, пластиковыми бутылками, пакетами с недоеденной едой и так далее. Он также добавил, что самое неприятное — обнаружить стаканчик из-под лапши быстрого приготовления с недопитым бульоном.

— Неужели не боятся кары небесной? — проворчал Котаро, совсем не по-жрецовски подпирая рукой подбородок, и протяжно вздохнул.

Разумеется, убирать храм приходилось священникам вроде него. И хорошо ещё, что выпивохи не мусорили в молельне и остальных зданиях.

— Вот доказательство того, что почтение к богам слабеет, — Когане, сидевший возле Ёсихико и тоже слушавший жреца, неодобрительно покачал головой. — В нынешнем поколении слишком многие забывают, что жизнь дарована богами, и вы должны жить бок о бок с ними.

Если бы ночные посетители храма попались лису на глаза, вряд ли бы они легко отделались.

— Я в своё время тоже по ночам гулял, но чтобы мусорить в храмах — такого точно не было...
— отозвался Ёсихико.

Будучи студентом, он с одноклассниками частенько гулял до утра и не раз встречал рассвет на берегу реки Камо[]Одна из главных рек Киото, впадает в реку Кацура в черте города.. Если какая-то компания развлекается всю ночь, это вовсе не означает, что они обязательно мусорят где попало.

— Нашему храму ещё повезло, нам только мусор в мешки убрать и выкинуть. Хуже, если бы про нас начали говорить, что у нас тут по ночам чертовщина творится.

Котаро с кислым видом уставился на Ёсихико. Когда ночью в одном месте собираются юные парни и девушки, молодая кровь нередко толкает их на дурацкие поступки. Наверное, через эту пору прошёл каждый.

— В смысле, если начнутся жалобы на шум и плохо припаркованные машины?..

Ёсихико нахмурился: одной мысли хватило, чтобы понять, что таких хлопот ему точно не надо. Но Котаро ещё не закончил.

— Это ещё ладно, бывает и похуже.

— Что? Неужели? — переспросил Ёсихико.

Котаро посмотрел по сторонам, чуть нагнулся и пояснил:

— Есть вещи, которые мы, священники, должны выискивать и убирать, пока их никто не увидел.

Ёсихико почувствовал, что по ногам пробежал холодок.

— Например, прибитые к деревьям соломенные куклы.

— Ух, мороз по коже...

Ёсихико вышел на станции Кибунэгути вместе с немногочисленными туристами и сразу содрогнулся, когда прохладный, в отличие от воздуха в городе, ветерок коснулся его тела. Горная станция расположилась совсем рядом с речкой Кибунэ. Даже днём здесь было не очень

светло, а на другом берегу реки виднелся дремучий лес горы Курама. И всё-таки мороз, пробравший Ёсихико до костей, был вызван отнюдь не температурой, а нелюбовью к чертовщине и ужастикам.

— Вот надо ему было так меня напугать... — с досадой проговорил Ёсихико.

Он испортил себе настроение, когда решил зайти в храм Онуси и поговорить с Котаро. С самого начала он шёл вместе с пушистым навигатором проводить бога Такаоками-но-ками, чьё имя появилось в молитвеннике, и неожиданно возникшая мысль забежать к другу сыграла с Ёсихико злую шутку, ведь район Кибунэ, в котором находятся все храмы и часовни в чести Такаоками-но-ками, знаменит в том числе тем, что здесь частенько проводятся Усинококу-маири.

— Солнце ещё высоко, чего трусишь? — Когане бросил на Ёсихико усталый взгляд, как только они спустились со станции. — В былые времена здесь была вечная тень от деревьев. Если уж ты даже этого боишься...

— У меня просто настроение не то, — нехотя ответил Ёсихико.

Ему было всего двадцать четыре года, и он не хотел, чтобы бог из глубокой древности сравнивал его с собой.

Автодорога от станции шла в гору вдоль реки, потому справа постоянно доносилось журчание. Если бы Ёсихико не знал про Усинококу-маири, он бы решил, что это приятное, даже курортное местечко, но у любого жителя Киото от одного упоминания Кибунэ кровь стынет в жилах.

Возле станции Ёсихико сел на автобус и минут десять ехал на нём в гору вдоль реки. Наконец, автобус доехал до конечной и встал на специальную стоянку, где останавливались и автобусы туркомпаний. Сейчас таких было два. С этой стоянки начинается пеший маршрут до храма, в котором обитает Такаоками-но-ками. С учётом сложности поездки, два автобуса — это на удивление много.

— Надо же, сколько посетителей в будний день...

На часах было двенадцать с хвостиком. Ёсихико вместе с Когане неспешно пошёл в гору. Вскоре они увидели каркасы, поднимающиеся из реки, а над ними — навесы от солнца. Сбоку виднелись лестницы, ведущие к каркасам, и вывески «Ресторан».

— А, кавадоко[□]Что это такое — вам расскажет текст, а я хочу заметить, что у этих платформ несколько названий. На реке Камо они называются «юка», в Осаке «каваюка», а в Такао и Кибунэ — «кавадоко».! Вот в чём дело! — невольно обронил Ёсихико.

Когане с любопытством присмотрелся.

Кавадоко. Что, как не эти платформы над водой, на которых можно за трапезой наслаждаться прохладой, поэтичнее всего описывает лето в Киото? Рядом с ними работают многочисленные рестораны и кафе. Больше всего их на реке Камо, а также в районах Такао и Кибунэ, но поскольку за обед в таких заведениях придётся выложить не меньше пяти тысяч, Ёсихико никогда в них не бывал. Вполне возможно, что туристы приезжали сюда в первую очередь ради кавадоко.

— Я слышал о них. Их ещё называют норёдоко, верно? — Когане моргнул, глядя на кавадоко. — Как только людям пришло в голову принимать пищу посреди реки?

По голосу лиса трудно было понять, восхищался он или наоборот.

— Но я думал, кавадоко существуют с древних времён, — Ёсихико недоумевающе посмотрел на Когане.

Платформы были застелены татами и циновками, цвета которых изящно контрастировали с алыми подстилками. Ёсихико готов был поклясться, что традиция норё — обеда посреди реки — уходит корнями глубоко в историю, однако по словам Когане было ясно, что тот плохо с ней знаком. Может, она лишь недавно обрела популярность?

— По крайней мере в ту эпоху, которую вы называете Эдо, в Кибунэ ничего подобного не было. Хотя в те времена эта земля находилась на кратчайшей дороге из северных пригородов в Киото, поэтому здесь было много гостиниц и трапезных.

— О-о, да ты и правда бог-всезнайка.

Беседуя, Ёсихико и Когане двигались дальше. Дорога привела их к мосту через реку, ведущему в храм Курама. Как только они перешли, показались алые тории, утопающие в пышной листве.

— А, по-моему я это место уже где-то видел, — пробормотал Ёсихико, глядя на лестницу, ведущую от торий в храм.

Эти алые ступени и красные фонари с обеих сторон постоянно попадают во всевозможные путеводители и обзоры достопримечательностей. Это очень красивое место, поэтому многие прихожане берут с собой фотоаппараты.

— Здорово, что мы сюда пришли. Давай и я пофоткаю! Когане, сядь на лестницу.

Ёсихико достал смартфон из кармана джинс и включил камеру. Снимая пейзажи наравне с туристами, он чувствовал себя частью беззаботной толпы.

— Зачем меня снимать? И кстати, меня всё равно на снимках не будет.

— Да ладно тебе, давай на память.

— На какую память? Ты не забыл, зачем пришёл сюда?

— Чёрт, как же сложно сделать нормальное селфи.

— Опять ты пытаешься действовать мне на...

— Хотите, я вас сниму? — раздался вдруг голос за спиной Ёсихико, экспериментировавшего с углами съёмки.

— А, если не тру...

Пребывая в полной уверенности, что вежливое предложение исходило от одного из туристов, Ёсихико обернулся и застыл как вкопанный, когда увидел обладателя голоса.

Синее, но тёмное, почти чёрное кимоно причудливо блестело в редких лучах. На ногах — традиционные деревянные гэта. Хвост из седых волос до середины спины, такая же длинная борода. В общем, этот улыбающийся старик никак не тянул на туриста.

— Прекрати дурачиться, дракон, — заявил Когане, поведя ушами.

Старик усмехнулся в ответ.

— Я всего лишь проявил вежливость.

Лишь тогда шестеренки в голове Ёсихико начали раскручиваться.

— Дракон?.. То есть вы...

Ему вспомнилось, что богиня воды и моста, которой он когда-то помог, тоже была драконом. Бог, к которому он сегодня шёл, отвечал за воды Кибунэ.

— Такаоками-но-ками? — спросил Ёсихико.

Старик погладил свою бороду и удовлетворённо кивнул.

— Среди богов воды очень много драконов. Принцесса Карахаси, чей заказ ты выполнял, — мой сородич. А я в некотором смысле её начальник.

Такаоками-но-ками провёл Ёсихико и Когане мимо главного храма, кишашего туристами и прихожанами. Они поднялись ещё выше и добрались до дальнего храма. Когда-то именно он считался основным, но, по легенде, в эпоху Хэйан река Кибунэ, выйдя из берегов, смыла храм и унесла его туда, где нынче находится главный.

К дальнему храму вела гравийная дорожка. Она шла вдоль склона, заросшего густой травой и старыми, покрытыми мхом деревьями. Иногда с горы спускался холодный ветерок и ласкал щёки. В этих местах, в отличие от главного храма, никаких ресторанов не было. Даже не слишком религиозный Ёсихико немного проникся ощущением строгости и величия, пропитавшими это место.

— В глубокой древности я снизошёл сюда с небес, чтобы покровительством над водой защищать людей, животных и всю Японию. Иногда меня даже называют не Такаоками-но-ками, а Кибунэ-мёдзин[□]Буквально «Милостивый бог Кибунэ»..

Они прошли через ворота дальнего храма. Людей здесь было немного. Их даже приходилось выискивать, поскольку из-за июньской жары все прихожане прятались в тени деревьев. Небольшое главное здание разместилось в глубине территории, перед ним на возвышении стояла молельня. На это основание Такаоками-но-ками и присел.

— Под этим храмом есть глубокая яма, которую называют логовом дракона. Это один из важнейших фонтанов подземной силы, поэтому с древних времён это место ценили знатоки фэншуя и оммёдо. Защита этой ямы — тоже моя обязанность. В общем, раньше этот место уважали и считали священным, — Такаоками-но-ками засунул руку под кимоно, достал голубой веер и раскрыл. — Но сейчас всё чаще говорят, что оно проклято и что сюда только ради Усинококу-маири ходят. Не буду скрывать, я действительно снизошёл в этот мир в год уси в месяц уси в день уси и час уси[□]Китайский зодиак можно соотнести с любым циферблатом, поэтому всё, что может располагаться на циферблате (любая единица измерения времени и даже стороны света) может выражаться элементами китайского зодиака. Год уси — это год быка, месяц уси — это декабрь, час уси — промежуток между 1 и 3 часами ночи. Из этого ряда выбивается «день уси» — на самом деле это просто одно из традиционных названий дней солнцестояний (разумеется, это означает, что один из двух «дней уси» в году действительно приходится на «месяц уси»).. Более того, в «Повести о доме Тайра», первоисточнике легенды об Усинококу-маири, сказано, что обезумевшая от ревности женщина просила именно бога Кибунэ превратить её в демона, чтобы она могла убить неверного любовника.

— Да, Охана вроде бы рассказывала об этом...

Ёсихико освежил в памяти слова королевы драконов Омитама. Строго говоря, Охана не имеет никакого отношения к женщине из повести о доме Тайра, однако на пару с ней попала в ряды хасихимэ. Запутанная, в общем, история.

— В «Повести о доме Тайра» ни слова нет о соломенных куклах и длинных гвоздях, действие происходит не в Кибунэ. Не перестаю поражаться воображению людей, из-за которого они сегодня вспоминают эту историю именно так.

Такаоками-но-ками удручённо вздохнул. Ёсихико тем временем почуял, что разговор движется в очень неприятную сторону, и опасливо уточнил:

— А-а... неужели заказ тоже связан с этой темой?..

Ёсихико, конечно, лакей, но ужастики всё равно не любит. Причём в его возрасте он уже понимал, что куда страшнее не бесплотные призраки, а живые, но обезумевшие люди.

— Безусловно, мне не очень приятно день за днём выслушивать пожелания несчастья в чей-либо адрес, но я занимаюсь этим уже больше тысячи лет, как-то поздновато спохватываться именно сейчас. В конце концов, те, кто роют другим ямы, сами в них попадают. Подумаешь, на горе появится пара-тройка новых неприкаянных призраков. Мне-то что?

Окё, дух гинкго, в своё время рассказала Ёсихико, что боги отвечают в основном на большие просьбы вроде урожая или процветания и почти не обращают внимания на мелкие просьбы о личном счастье. Скорее всего, владыка Кибунэ придерживается такого же правила. Будучи богом очищающих от скверны вод, Такаоками-но-ками вряд ли станет заниматься проклятиями.

— Тогда что тебя беспокоит? — спросил Когане, глядя на бога зелёными глазами.

Такаоками-но-ками взял небольшую паузу, подбирая слова. Затем повернул веер в их сторону.

— На самом деле я хочу... Чтобы вы отыскали черпак.

— Черпак? — на автомате переспросил Ёсихико, не ожидавший такой просьбы. — В смысле черпак? Как в павильоне для умывания[□]В синтоистских храмах как правило есть место, в котором прихожане умывают руки и рот с помощью специальных деревянных черпаков. Называется «тёдзуя».

— Именно. Но это не просто черпак, а черпак Додзи.

— Додзи?.. — растерянно уточнил Ёсихико.

Когане повёл ушами и слегка скривился.

— Додзи снизошёл с небес на землю вместе с Такаоками-но-ками. Он был исключительно трудным типом и устроил на земле такой скандал, что весть о нём облетела даже богов...

Додзи пришёл в мир людей вместе с Такаоками-но-ками. Он был большим болтуном, обожавшим разбалтывать секреты небожителей всем подряд. Разозлившись, Такаоками-но-ками разрезал ему язык и изгнал из Кибунэ.

Позднее Додзи раскаялся и вернулся в Кибунэ, но по невнимательности (а может, шалости) переломил пополам лук, которым очень дорожил Такаоками-но-ками. В качестве наказания бог связал руки Додзи цепью, но тот легко разорвал их. Такаоками-но-ками привязал его к огромной скале. Судя по рассказу, Додзи доставил Такаоками-но-ками немало хлопот.

— Ничего себе напарник... — искренне поразился Ёсихико.

Из рассказа он даже не понял, раскаялся ли Додзи в содеянном. Впрочем, раз он вернулся после изгнания, то, видимо, уважал Такаоками-но-ками.

— Я еле сдерживался, чтобы не впасть в уныние... — проговорил Такаоками-но-ками, смотря куда-то вдаль.

— Я помню, тебя это сильно тревожило... — Когане сочувственно посмотрел на него. — Я слышал, ты пил каждую ночь, не выдерживая его непослушания, и обращался за советом к разным богам. О вас многие говорили.

— Прямо история о том, как поколение халявы не даёт жить поколению роста[□] Поколение роста — японцы, которые начали работать в 1986 - 1991 годах, когда экономика Японии переживала небывалый подъём. Поколение халявы — дети 1987 - 2001 года рождения. Для них министерство образования Японии утвердило учебные планы, резко снизившие количество часов обучения в японских школах.... — заключил Ёсихико. Грубое, конечно, сравнение, но недалёкое от правды.

— Когда он взял в жёны человеческую девушку и стал отцом, я думал, он успокоится, но нет, ни капельки не изменился... — продолжил Такаоками-но-ками и устало выдохнул.

Ёсихико неловко улыбнулся, не зная, что сказать. Видимо, Додзи был из тех, кто в душе всегда остаётся ребёнком.

— Значит, у этого Додзи был черпак? — наконец придумал что спросить Ёсихико.

Такаоками-но-ками кивнул.

— Когда он вернулся из изгнания, я заставил его раскаиваться в тени кагами-ивы — той самой скалы, на которую мы оба снизошли с небес. Раскаявшись, он попросил прощения. Я вырезал черпак из скалы и вручил ему, наказав с его помощью беречь лес и гору, — Такаоками-но-ками посмотрел в небо. — После смерти Додзи черпак перешёл его семье. Его первые внуки хорошо уяснили на примере деда, как не надо себя вести, и служили мне верой и правдой. Долгое время семья Додзи была главным покровителем этого храма, но после реформы в эпоху Мэйдзи они уже не могли быть в нём священниками — родство больше не имело значения, служить могли только профессионалы. С тех пор они постепенно покинули эти земли.

Ёсихико чуть было не пропустил слова бога мимо ушей, но успел спохватиться.

— Погоди, в эпоху Мэйдзи?.. То есть, до неё семья Додзи постоянно служила тебе?

Такаоками-но-ками спустился с небес тысячу, если не тысячи лет назад. Получается, потомки его напарника жили в Кибунэ с глубокой древности и как минимум до эпохи Мэйдзи.

— Да. Конечно, у моего храма есть и другие семьи-покровители, но у этой самая длинная история.

— Ничего себе... — ошарашенно пробормотал Ёсихико, глядя на кивающего бога.

Беспрерывная вереница поколений. Передающийся от отца к сыну долг. За долгие годы они точно успели стать незаменимыми помощниками Такаоками-но-ками, его правой рукой.

— С тех пор как они покинули эти земли, кровь Додзи размылась в браках с людьми извне. Почти все ветви той семьи уже оборвались, — Такаоками-но-ками сложил веер и посмотрел на свои пальцы. — Поскольку многие люди уже не знают, как правильно почитать богов, я сильно ослаб... И не могу узнать, где сейчас его потомки.

Когда бог снова посмотрел на Ёсихико, на его лице, как ни странно, появилась приветливая улыбка.

— И всё-таки они долго служили мне. Будучи покровителями храма, они никогда не покидали эти земли. Если теперь у них появилась возможность найти себе дом и новую судьбу, то мне остаётся только порадоваться, — Такаоками-но-ками говорил так, будто рассказывал о собственных внуках. — Но я переживаю за черпак. Я заметил пропажу слишком поздно и уже понятия не имею, где он. Что бы я ни говорил, черпак — это всё-таки божественный дар. Если люди неправильно им воспользуются, то могут навредить себе.

— Навредить?..

Утрирует ли бог или говорит чистую правду? Ёсихико решил уточнить, и на его вопрос ответил Когане.

— Если мне не изменяет память, черпак слушает душу того, кто им пользуется. Если им зачерпнёт воду человек с чистым сердцем, то вода превратится в сладкий нектар. Но если дать его злодею, вода станет ядом, убивающим всякую жизнь. Могущественные дары таят огромную опасность для людей.

— Понял...

И правда, Ёсихико бы тоже заволновался, если бы у него пропал такой черпак.

— Если он и по сей день находится у детей Додзи и если его обладатель достоин такого дара, то мне не жалко, пусть владеет. Но если черпак осел в какой-нибудь антикварной лавке или в руках кого-то, не знающего правды о даре, пусть лучше он вернётся ко мне.

Ёсихико сложил руки на груди. С одной стороны, его попросили просто разыскать вещь, а с другой стороны — эта вещь могла покинуть Кибунэ ещё в эпоху Мэйдзи.

— На вид это заурядный белый черпак, ничем не отличающийся от тех, которыми моют руки прихожане. Он даже может показаться деревянным. Чтобы узнать наверняка, что это черпак из кагами-ивы, нужно в час уси поднести его к камню, тогда он тускло засветится, — пояснил Такаоками-но-ками, показывая размер черпака руками.

— Конечно, я приму заказ и помогу, чем смогу... Но что, если он так и не отыщется? Вдруг он уже сломан или выброшен?

Подумать о худшем не помешает.

— Да, и такое может быть, — Такаоками-но-ками кивнул. — Если ты решишь, что дальше искать бессмысленно, то я не буду возражать. Если ты действительно сделаешь всё возможное, но вернёшься без черпака, я всё равно признаю заказ выполненным. Правда, при этом я поинтересуюсь мнением свидетеля...

Такаоками-но-ками покосился на Когане. Тот недовольно повёл ушами. Лис не вызывался быть надсмотрщиком, но его всё равно назначили.

— Так что, лакей, ты согласен?

— Ну, что значит «согласен»... — Ёсихико достал из засветившейся сумки молитвенник. — Я ведь не могу отказаться...

Он открыл красивый зелёный блокнот и увидел имя Такаоками-но-ками, написанное чёрными чернилами. Ему оставалось только взяться за работу.

— Тогда желаю удачи.

Такаоками-но-ками с воодушевлением раскрыл веер.

Ёсихико вздохнул, бросил ещё один взгляд на молитвенник и убрал в сумку. Он не замечал, что из леса рядом с храмом за ним следит парень в школьной форме верхом на скутере.

Часть 2

— Черпак?

На следующий день после поездки в Кибунэ Ёсихико вышел на подработку, после которой направился в храм Онуси.

— Да, он принадлежал семье, которая поколениями покровительствовала храму в Кибунэ. Но сейчас семья покинула деревню.

Дома Ёсихико посмотрел в интернете и выяснил, что покровителями храмов называли семьи настоятелей, в которых эта должность передавалась между поколениями. В наше время из-за старения населения и больших возможностей по поиску работы настоятели многих храмов выбираются не из родственников, однако Ёсихико вспомнил, что в его ближайшем окружении как раз есть один потомственный священник, который однозначно живёт в семье покровителей. Ёсихико решил зайти в храм в надежде, что у этого человека окажутся полезные связи.

— В Кибунэ много покровителей, даже многими из ресторанов владеют семьи...

Человек, к которому обратился Ёсихико, рано или поздно должен был завершить свою «практику» в храме Онуси и унаследовать храм их семьи. Однако прямо сейчас он выгребал пожертвования из ящика рядом с одним из малых святилищ.

— Но если ты говоришь, что они покинули Кибунэ, то речь, видимо, о Хацу? — предположил Котаро, и Ёсихико округлил глаза.

— Т-ты про них знаешь? Мне в Кибунэ тоже сразу про них сказали.

Когда Ёсихико получил заказ Такаоками-но-ками, он на обратном пути заглянул в главный храм и попробовал поспрашивать молодого священника в магазине, не слышал ли он о черпаке, принадлежавшем семье покровителей.

Священник зацепился за слово «покровителей» и назвал несколько имён. Одно из них, «Хацу», принадлежало семье, по легенде произошедшей из потомков Додзи. Как оказалось, семья эта довольно известная, а в необычной фамилии, которая переводится как «восемь», заключено пожелание процветания и расселения по всему свету. Семья эта служила не только Такаоками-но-ками, но и богам в целом, и лучше всего разбиралась в лекарствах и заговорах. По легенде, основатели этой семьи даже на небесах бывали, откуда принесли много сказаний, неизвестных большинству людей.

Однако во всём рассказе священника Ёсихико не отыскал ни одного упоминания о черпаке. К сожалению, предыдущий настоятель, хорошо знавший семью Хацу, уже скончался, и другого знающего человека в главном храме нет.

— В узких кругах прекрасно знают семью Хацу. Даже я про неё слышал, — Котаро закрыл замок на задней стенке ящика и пошёл к следующему святилищу. — Но я не помню, чтобы кто-то что-то говорил про черпак.

В руках Котаро держал пластиковый лоток, в котором позвякивали монетки. Ёсихико пошёл следом, вздыхая на ходу. Видимо, семья не горела желанием рассказывать всем подряд о божественном даре, некогда принадлежавшем самому Додзи. Если уж про него не слышали даже в главном храме Кибунэ, возможно, знающих людей уже просто не осталось.

— Но с чего ты вдруг заговорил о черпаке? Если тебе он так нужен, могу познакомить с человеком, у которого мы их покупаем, — спросил Котаро, продолжая гулять по гравийной дорожке в традиционных сандалиях.

— Мне не нужен абы какой черпак. Я ищу тот, что принадлежит семье Хацу.

— Зачем?

— Ну, как зачем...

После этого вопроса Ёсихико растерялся. Не мог ведь он сказать Котаро, что его попросил Такаоками-но-ками. Зная прагматичность этого гоннэги, тот после таких слов наверняка сдал бы своего друга в психушку.

— Ты что, даже отговорку не придумал? — недоумённо спросил Когане, переводя взгляд на Ёсихико.

Тот усилием воли проигнорировал слова лиса и попытался на ходу сообразить хоть что-то:

— Ну ты ведь понимаешь, что такую старую вещь можно задорого впарить какому-нибудь старьёвщику... Я по телевизору видел!

Котаро посмотрел на него с подозрением, но затем выдохнул. Кажется, он решил, что развивать тему бесполезно.

— Ладно, делай что хочешь. Всё равно это лучше, чем постоянно сидеть дома за компьютером и ни с кем не разговаривать.

Ёсихико не сразу нашёлся с ответом. Раньше он действительно жил так, как описал Котаро, и не мог возразить.

— Н-ну ты сам подумай, это же невероятная штукавина. Семья Хацу ведь произошла от напарника Такаоками-но-ками, который спустился с небес вместе с ним. Получается, этот род существует уже тысячелетия. Тот черпак должен быть настоящим сокровищем...

— Если он существует. И кстати, разве семья Хацу не вымерла? Ты хоть знаешь, где их искать?

— Нет...

Именно поэтому он и пришёл сюда. Ёсихико дал честный, недвусмысленный ответ, и Котаро ответил ещё одним протяжным вздохом.

— Нет ничего рискованнее, чем бездумно охотиться за сокровищами.

— Но всё-таки, не соблаговолит ли господин Котаро, наследник семьи покровителей, дать мне подсказку...

— Нет. Проваливай. Я сегодня ночью дежурю, у меня дел полно, — отрезал Котаро, но затем повернулся к Ёсихико. — Или ты можешь подежурить за меня, пока я поизучаю семью Хацу. Будешь ночью обходить храм, обходить храм и ещё раз обходить храм.

— Сам поизучаю...

Некоторые святилища на территории храма Онуси прячутся в глубине дремучих лесов горы Онуси. Меньше всего Ёсихико хотелось гулять по этим лесам ночью в одиночку. К тому же в это время года охрана храма включает в себя борьбу с мусорящими негодяями. Да уж, нелегка работа священника.

— Что теперь будем делать, раз даже он не знает? — спросил Когане, мотнув мордой в сторону Котаро, убегающего к главному павильону.

В джинсах завибрировал смартфон.

— Ну, я догадывался, что он нам не поможет.

Разумеется, Ёсихико не думал, что не имеющий никакого отношения к Кибунэ Котаро подскажет, куда делся черпак, о котором не знают даже тамошние священники. Он просто надеялся получить от него какую-нибудь зацепку.

— И раз Котаро не помог...

Ёсихико выудил телефон из кармана. Предвидя такой расклад, он заранее связался с ещё одним человеком.

— Обратимся за помощью к дочери других покровителей.

Он показал лису экран с сообщением от девушки и нажал на кнопку вызова.

— Кстати, я слышала, что мы — какое-то ответвление рода Урабэси... — задумчиво перебирала воспоминания Хонока, встретившаяся с Ёсихико после уроков.

— Урабэси?

Ёсихико не объяснил ей суть заказа и сказал лишь, что ищет черпак и наследников семьи Хацу, произошедших от потомков Додзи. Ответ Хоноки его озадачил.

— Да, я слышала об этом от отца и не знаю, правда ли это...

Они сидели в вечерней забегаловке, среди толп школьников и студентов. Постоянно надрывалась фритюрница, сообщая, что готова новая порция картошки; официанты громко приветствовали новых посетителей.

С прошлого месяца Хонока носила летнюю форму — белую сорочку с длинными рукавами и красный полосатый галстук. Ей уже принесли заказанный ледяной чай, и по ходу разговора она размеренно помешивала его ложкой.

— По некоторым легендам, этот род произошёл от Амэнокоянэ-но-микото...

— Амэно... кого? — растерянно переспросил Ёсихико.

— Амэнокоянэ-но-микото, — хладнокровно пояснил Когане, — это главный бог храма Онуси, спустившийся на землю вместе со своими внуками. Также это главный бог великого храма

Касуга в Наре.

— Что?! Так ты потомок бога?! — невольно воскликнул Ёсихико, окидывая Хоноку взглядом.

Красавица, небесноглазая и потомок бога — вот так любимица судьбы. В отличие от Ёсихико, который не знал своих предков дальше бабушек и дедушек.

— Но это просто семейная история, я не знаю, правда ли это...

— Это правда?! — не сдержавшись, Ёсихико обратился к Когане.

Тот недовольно поморщился и посмотрел на него зелёными глазами.

— Немало людей оправдывают свой авторитет, провозглашая себя потомками спустившихся с небес богов. Тем не менее, душа каждого человека так или иначе восходит к богам, так что это ничего не меняет.

— Что, и моя?! И моя?!

— Отпусти мой хвост!

Когане угрожающе приставил когти к руке Ёсихико и пояснил:

— Не только твоя, половина современных японцев — потомки богов! Отмотай время на несколько веков и наверняка найдёшь те или иные связи с кланами Гэндзи и Хэйси, оттуда с императорами Сэйва[□]Император второй половины IX века. От него произошёл клан Гэндзи. и Камму[□]Император конца VIII века. Клан Хэйси ведёт свою историю от него., а оттуда и к первому императору Дзимму. Прадед Дзимму — Ниниги-но-микото, бабушка Ниниги-но-микото — Аматэрасу-омиками! Все другие родословные тоже так или иначе упираются в божественных предков, — рассказывал лис, стуча лапой по столу. — Если взять нынешних настоятелей великого храма Касуга, наследников Фудзивары-но-Митинаги[□]Политик первой половины XI века, самый могущественный представитель клана Фудзивара в истории Японии., то они произошли от Накатоми-но-Каматари[□]Политик VII века, основатель клана Фудзивара., а тот, как и небесноглазая, — потомок Амэнокояно-но-микото. И таких историй полно.

— Полно?! Да я впервые об этом слышу!

Даже сейчас, будучи лакеем, Ёсихико продолжать считать богов бесконечно далёкими созданиями. Да, он спокойно разговаривал с ними, а некоторых порой брал в охапку и таскал на руках, но всё равно считал их кем-то вроде иностранцев и даже не задумывался о том, что они могут быть его предками.

— Ёсихико, назови самого древнего человека из истории Японии, которого знаешь, — спросил Когане, вновь бросая взгляд на Ёсихико.

Лакей обхватил свою голову и задумался.

— Х-Химико[□]По китайским летописям — жившая в III веке н.э. правительница дояпонского государства Яматай., наверное...

Уж это имя из учебника по истории он всё ещё помнил. Хотя бы в силу огромной известности этой женщины.

Когане покачал головой и вздохнул.

— Жрица Химико жила совсем недавно.

— Что-о-о?! Н-но ведь Химико из глубокой древности!

Он не помнил точно, жила ли она в эпоху Яёй[□]III век до н.э. — III век н.э. или Кофун[□]III век н.э. — VI век н.э., но во всяком случае задолго до появления самураев.

Когане удручённо посмотрел на него и продолжил:

— Химико жила спустя примерно тысячелетие после правления Дзимму. Официальная история — лишь малая часть реальной. Люди жили в Японии задолго до того, как у них появились имена. Все они произошли от богов, и это — не более чем мелкий, несущественный факт.

Ёсихико ненадолго замер с раскрытым ртом, таращась на Когане.

— Такое чувство, что ты открыл мне новый мир...

Вполне возможно, он до сих пор не знает и половины таких вещей, которые Когане считает «несущественными».

— Поскольку семьи-покровители наследовали храмы, многие из них вели генеалогические древа, — вдруг вставила Хонока, ставя чашку чая на стол. — Возможно, поэтому, а также потому, что семья Хацу жила на таком маленьком клочке земли и поколениями служила храму, нам до сих пор известно, что они потомки Додзи...

Хотя Хонока даже сейчас говорила очень медленно, она всё равно стала заметно разговорчивее со времени их знакомства. Правда, эмоции она до сих пор не показывала — видимо, такой уж у неё характер.

— Отец тебе случайно ничего не рассказывал про черпак?

Ёсихико понимал, что зря надеялся, но что ему оставалось, как не перебирать возможные зацепки? Хонока ненадолго углубилась в воспоминания и затихла. Наконец она печально выдохнула и покачала головой.

— Прости, не помню, чтобы... — начала она, но вдруг посмотрела в окно и прервалась.

Ёсихико тоже перевёл взгляд и увидел, что вплотную к окну стоит парень в школьной форме и с отвращением пялится на них.

— Ты его знаешь?

Неужели опять бог?

Серые штаны с низковатой посадкой, белая рубашка с закатанными рукавами, свободно повязанный красный полосатый галстук. Коротко стриженные волосы, небрежно встопорщенные лаком, под мышкой — мотошлем, облепленный наклейками. В общем, на первый взгляд — заурядный старшеклассник. Старшеклассник, который смотрит на Ёсихико с явной ненавистью в глазах.

— Слушай-ка, Хонока, это случайно не форма твоей школы? — спросил Ёсихико, вновь окидывая взглядом её одежду. По меньшей мере расцветка галстука совпадала в точности.

— Да, но... Я его не знаю... — растерянно прошептала она.

Поскольку она практически ни с кем не общалась в школе, наверняка она даже не всех своих одноклассников узнаёт на улице.

Ёсихико ещё раз посмотрел на подозрительного школьника. Тот открыл рот и что-то сказал. Но слова утонули в шуме забегаловки, и Ёсихико ничего не расслышал.

— А? Чего? — переспросил Ёсихико, прикладывая ладонь к уху.

Парень поморщился и повторил, но на этот раз его голос перекрыл смех сидящей неподалёку компании школьников.

— Чего? Не слышу.

Зачем какой-то незнакомый парень бросает на Ёсихико озлобленные взгляды и пытается докричаться через окно? Когда Ёсихико не расслышал в третий раз, тот потерял терпение и

ворвался в забегаловку.

— Хорошо прикидываться, что не слышишь! Я знаю, тебе всё слышно! — возмутился парень, подойдя к Ёсихико.

Следом он посмотрел на сидящую напротив Хоноку и на секунду замешкался, но взял себя в руки, подошёл к Ёсихико ещё ближе и крикнул:

— Какого чёрта ты пьёшь чай с Ёсидой-сан?! Не понимаю! Ваше не понимаю!

Что заставило его так обозлиться? Пока Ёсихико недоумевал, парень продолжил:

— Вид у тебя заурядный, я бы даже сказал скучный. Отыгрываешь обычного прохожего? Не понимаю, что ты делаешь рядом с ней, когда у тебя рожа человека, которого зовут погулять, а потом отправляются без него, даже не заметив, что он не пришёл!

— Эй, ты...

— Только я наконец-то нашёл тебя, а ты тут охмуряешь школьницу, причём не какую-то, а Ёсиду-сан, самую красивую девушку школы! Да ты настоящий преступник!

— Эй, ты!

Ёсихико наконец-то завёлся и встал со стула. По ходу речи парня он узнал пару новых вещей о Хоноке, но в любом случае не собирался сидеть и молча выслушивать такие слова из уст незнакомца.

— Ты кто такой? Чего грубишь?

Может, Ёсихико и бездельник, но он взрослый человек, который не собирается терпеть нападки юнца с взыгравшими гормонами.

— И чего кричишь в помещении, мешаешь другим...

— Лакей, — перебил он его одним-единственным словом. — Ты ведь лакей?

После этого вопроса в их уголке воцарилась тишина, как после цунами.

— Хотя можешь не отвечать, всё и так понятно. Не будь ты лакеем, уже спросил бы, что я имею в виду. К тому же у меня есть веские доказательства. Ты не переубедишь меня, что бы ни говорил.

Ёсихико переглянулся с Когане. Никто не запрещал ему рассказывать другим людям о том, что он лакей. И тем не менее, Ёсихико не знал, что его вдруг назовёт этим словом незнакомый школьник.

— Нам с тобой надо потолковать, лакей, — тем же угрожающим тоном заявил парень, не давая Ёсихико собраться с мыслями.

— Вчера ты пришёл в дальний храм Кибунэ с молитвенником, таким зелёным блокнотом, похожим на госюин. Я, если честно, обалдел, когда его увидел. Я сам в храм заглянул чисто случайно, потому что решил заехать после уроков. Не думал, что увижу там настоящий молитвенник. Тем не менее, я с первого взгляда узнал блокнот из рассказов бабушки и понял, что ты — лакей.

Парень представился Такаокой Харуто. Он учился в параллельном с Хонокой классе и никогда с ней не разговаривал. Судя по всему, она о нём не знает ничего, зато он о ней — немало.

Ёсихико решил, что парня надо в первую очередь выслушать и предложил ему присесть рядом. С тех пор Харуто говорил без остановки.

— Я упустил тебя из виду, но поскольку лакеи выслушивают заказы богов, я понял, что наверняка отыщу тебя, если буду следить за храмами. К счастью, тут ты мне и попался.

Ёсихико вспомнил, как вчера во время разговора с Такаоками-но-ками достал молитвенник, чтобы убедиться, что заказ принят. Он и представить не мог, что кто-то это заметит.

— Лакеи — не тайна за семью печатями, — произнёс Когане. Это он уступил парню место. — Любой набожный человек о них когда-нибудь да слышал. Правда, многие отмахиваются от историй как от слухов, больно невероятными они кажутся. Но я всё равно удивлён, что этот юнец знает так много, в том числе и про молитвенник.

Лис тщательно присматривался к Харуто, который даже не подозревал о его существовании. Он не знал, что прямо рядом с его лицом находится лисья морда, и продолжал говорить о своём:

— Я не люблю ходить вокруг да около, поэтому спрошу прямо. Ты пришёл туда как лакей, чтобы выслушать заказ?

Ёсихико до сих пор не знал, чего добивается Харуто, и не сразу решился ответить. Сначала он посмотрел на Когане.

— Такаоками-но-ками о чём-то попросил тебя, да? — уточнил вопрос Харуто, видя, что Ёсихико мешкает.

Конечно, Ёсихико мог заявить, что молитвенник парню привиделся и что он никакой не лакей, но Харуто потрудился отыскать и выследить его. Скорее всего, он потребует доказательств обратного и ещё долго будет преследовать Ёсихико.

— Допустим, да. А что?..

Ёсихико не боялся навлечь на себя беду, но надеялся, что хотя бы Хоноку это не затронет, ведь она не лакей, а простая школьница с непростыми глазами. И, что немаловажно, ученица той же школы, что и этот парень.

Харуто, явно довольный тем, что успешно отыскал лакея, сделал короткую паузу.

— Нечестно, — вдруг буркнул он.

Ёсихико замешкался ещё на несколько секунд, не поняв смысл заявления.

— А?.. — наконец переспросил он.

Харуто вновь вперился взглядом в Ёсихико и заговорил:

— Нечестно, говорю. Почему Такаоками-но-ками связался только с тобой, почему попросил именно тебя? Вот ты сколько раз бывал в Кибунэ? А я в тех храмах был ещё до того, как ходить умел — меня бабушка приносила. У тебя вообще дома есть алтарь? Я знаю Такаоками-но-ками дольше чем ты, но почему он обратился к тебе?!

— Ну так ведь... Я лакей.

Выслушивать заказы богов — важная и, что уж там, единственная задача лакеев. Ёсихико просто пытался делать, что от него требуют, и считал, что не заслужил таких слов.

— Я тоже хочу помогать Такаоками-но-ками. Я бываю в его храме всё свободное время и умоляю попросить меня о чём угодно! Но вместо этого он делает заказ у фиг пойми откуда взявшегося лакея! Я на такое не согласен!

Ёсихико разинув рот смотрел на Харуто.

— Погоди, ты... Хочешь помогать богам?..

— Чё? Ты меня вообще слушал? Не богам, а конкретно Такаоками-но-ками! — резко ответил Харуто.

Теперь и Когане округлил глаза. Он тоже с трудом верил, что школьник мог такое сказать.

— У тебя... Долг перед Такаоками-но-ками? — вдруг тихо спросила Хонока, до сих пор молча следившая за разговором.

Харуто ещё раз посмотрел на неё и стушевался, будто не зная, что сказать.

— А, н-ну, не то чтобы долг...

Ёсихико молча смотрел на нервничающего Харуто. Когда он представился, Хонока ничуть не меняясь в лице ответила: «Рада знакомству». Поняв, что девушка не узнала его, парень явно огорчился. Он вообще на многое реагировал эмоционально. Впрочем, Ёсихико немного обрадовался тому, что не только он чувствует себя неловко рядом с такой красавицей.

— Кстати, а откуда ты знаешь Ёсиду-сан? — спросил Харуто, недоверчиво глядя то на Ёсихико, то на Хоноку.

— Познакомились во время заказа. Хонока — дочь настоятеля храма Онуси.

— Что?! Ты смеешь называть её по имени?! Погоди, дочь настоятеля Онуси? Серьёзно?!

Харуто отреагировал так бурно, что Ёсихико даже забеспокоился.

— Ой... — он посмотрел на Хоноку. — Не стоило говорить?

— Не страшно, это не секрет...

В силу характера Хонока мало распространялось о себе, поэтому даже в школе многие не знали, кто она такая. Выяснив правду, Харуто резко выпрямил спину. В его глазах Хонока немедленно превратилась в человека, заслуживающего уважения.

— За что именно ты хочешь расплатиться перед Такаоками-но-ками? — спросил сидящий рядом с Харуто Когане, но тот, разумеется, не услышал, и Ёсихико пришлось помочь:

— Почему ты хочешь помочь Такаоками-но-ками?

Какое-то время Харуто оценивающе смотрел на Ёсихико. Наконец, он ответил:

— Однажды, когда я ещё учился в начальных классах, был сильный ливень. Река Кибунэ вышла из берегов, и я чуть не утонул.

Ёсихико проводил взглядом группу школьниц, покидающих забегаловку, и прислушался к словам Харуто.

— Мы обедали в кафе у знакомых, вдруг начался ливень, в реке поднялся уровень. Родители заболтались, я вышел погулять. Мне сказали не подходить к реке, но рядом со станцией у меня туфля в воду упала. Я нагнулся достать, но нога соскользнула, и я грохнулся в реку.

Обычно река Кибунэ настолько мелкая, что на неё с чистой совестью ставят кавадоко, но во время потопов она становится бурной и быстрой, превращаясь в смертоносный грязный поток. Что ещё хуже — рядом со станцией кавадоко нет, поэтому младшекласснику не за что было ухватиться. Течение быстро смыло его и понесло в сторону реки Курама.

— Я пытался звать на помощь, но мне вода в нос и рот забила. Чем больше барахтался, тем труднее становилось дышать. Я уже думал, мне крышка...

Затухающее сознание маленького Харуто ощутило, что приближается смерть. Мелькнули последние досадные мысли: надо было послушать родителей, не надо было подходить к реке. После этого сознание отключилось.

— Очнулся я на больничной койке. По словам родителей, они увидели, что я пропал, собрали толпу людей и обыскали окрестности. Бабушка, которая искала вместе с ними, нашла меня между скал ниже по течению. Я нахлебался воды, но царапин не было.

«Тебя спас бог Кибунэ», — сказала бабушка, пришедшая навестить внука, и крепко обняла его.

Все говорили Харуто, что он только чудом остался целым и невредимым после падения в реку. Поначалу он не очень верил этим словам, но чем больше разговаривал с родителями и бабушкой, тем больше убеждался, что так всё и было.

Такаоками-но-ками, покровитель вод, спас его.

— С тех пор я часто просил бабушку рассказывать мне о богах. Это от неё я узнал, что боги на самом деле не любят постоянно выслушивать просьбы людей и что есть лакеи, которые исполняют заказы богов. Родители моей бабушки были набожными синтоистами, даже алтарь дома имели, поэтому она знает многое, о чём не слышали обычные люди. Она же рассказала мне, как именно выглядит молитвенник.

И чем больше Харуто слушал, тем сильнее в нём разгоралось желание однажды отблагодарить

Такаоками-но-ками за спасение. Вернее, даже не отблагодарить, а сослужить ему какую-нибудь службу. Возможно, это желание появилось у него именно потому, что он рос на рассказах хорошо знающей синто бабушки.

— Но я обычный человек. Я не слышу богов и не вижу их. Я хотел стать лакеем, но понятия не имел, как это делается...

— Поэтому ты считаешь, что это «нечестно»?..

Ёсихико наконец понял, о чём вообще речь, и выдохнул. Он не знал, действительно ли Такаоками-но-ками спас Харуто, но на его месте и сам бы наверняка в это поверил. Тем более, что он видел, как Охана спасала тонущего в реке студента.

Харуто укоризненно посмотрел на Ёсихико и проворчал:

— Почему должность лакея досталась не мне, мечтающему помогать богу, а какому-то невзрачному, хилому, глуповатому типу?..

— Эй, ты мне это в лицо говоришь.

Ёсихико понимал ход мыслей Харуто, но всё равно возмутился, услышав такие слова в свой адрес. Пускай даже почти правдивые.

— Короче говоря, ты должен отдать заказ Такаоками-но-ками мне, — заявил Харуто и бесцеремонно протянул руку. — Я исполню его вместо тебя.

— Эй, ты...

— Я умею то же, что и ты, и даже больше!

— Но ты не видишь богов и не слышишь их, так? Как ты собираешься общаться с Такаоками-но-ками?

Харуто глухо проворчал. Ни один успешный заказ не обходится без разговоров с богами, в которых всплывают подсказки и зацепки. Зачастую решения приходят в голову именно благодаря разговорам. К тому же Такаоками-но-ками доверил свой заказ именно лакею, то есть Ёсихико. Он не мог просто взять и отдать его первому встречному.

— Безрассудное дитя... — Когане раздражённо повёл ушами. — Я уважаю его энтузиазм, но лакеи выполняют заказы всех богов. Их работа не ограничивается желаниями одного только Такаоками-но-ками... Хотя, он ведь меня всё равно не слышит...

Вдруг глядевшая на лиса Хонока кое-что придумала и подняла голову.

— Может, он лучше поможет с заказом?

Хотя она обращалась к Когане, отреагировал сидящий рядом с ним Харуто.

— «Поможет»?!

— Пожалуй. Против этого я не возражаю, — согласился Когане, пока Харуто таращил глаза.

— Как видишь, Когане не против...

— Что? Работать заодно с ним? — Ёсихико поморщился.

— Он пойдёт за тобой, даже если ты откажешься, — заметил лис. — Посему лучше вам действовать сообща.

— Господи...

Харуто растерянно посмотрел по сторонам. Из-за участия бога он совершенно не понимал, о чём речь.

— С кем это вы...

— С Хоидзином.

— Хоидзином? Богом удачных и неудачных направлений, а также кататагаэ[□]Старый японский обычай. Если путнику нужно выдвинуться в «неудачном» направлении, он вместо этого начинает дорогу в «удачном», там ночует, а затем возвращается и идёт уже по правильной дороге.?

— Надо же, он меня знает.

Ёсихико и Хонока показали на лиса пальцами. Харуто вгляделся в пустоту рядом с собой. Чёрный нос находился всего в несколько сантиметрах от его лица, но парень ничего не замечал.

— Короче, Хоидзин не возражает против того, чтобы ты помог нам. Что скажешь? — спросил Ёсихико, подпирая подбородок ладонью.

Он всё ещё не до конца понимал, с какой стати должен принимать помощь человека, от которого совсем недавно выслушал столько неприятных слов. Будь Харуто просто излишне любопытным школьником или фанатом потустороннего, Ёсихико бы точно отказался, но всё-таки он невольно проникся историей мальчика, спасённого богом и чувствующего себя обязанным ему. Харуто переполняло желание отблагодарить Такаоками-но-ками за спасённую жизнь.

— Этот заказ принял я. Я согласен на помощь со стороны, но отдавать заказ не буду. Я не собираюсь пренебрегать обязанностями лакея.

За время работы Ёсихико уже успел твёрдо пообещать себе, что если какой-либо бог попросит его о помощи, он ни в коем случае не отмахнется и непременно сделает всё возможное.

Харуто прикусил губу и замычал. Наконец, он вздохнул и кисло посмотрел на Ёсихико.

— Ладно уж, помогу.

— Ты должен сказать «разреши помочь, пожалуйста», — поправил Ёсихико на редкость невоспитанного старшеклассника.

Судя по лицу Харуто, ему очень хотелось огрызнуться, но он кое-как подавил желание и процедил:

— Ра... разреши помочь, пожалуйста...

Ёсихико слегка изумился. Он ожидал, что Харуто будет упираться, но тот настолько хотел помочь богу, что не стал спорить.

— Я Хагивара Ёсихико, — ещё раз представился лакей и протянул руку.

Харуто немного поколебался, но всё-таки пожал её.

Додзи, спустившийся с небес вместе с Такаоками-но-ками, был похож на чертёнка: заострённые уши, рога, звериные клыки. Дело в том, что он приходился Такаоками-но-ками не только слугой, но и сородичем. Лишь его потомки в пятом поколении, рождённые от

человеческих женщин, наконец-то обрели человеческий облик.

— Прости меня!

Когда бог изгнал Додзи за болтливость, тот тайно вернулся в Кибунэ. Даже сейчас Такаоками-но-ками хорошо помнил, как обнаружил его, свернувшегося в клубок и плачущего рядом с кагами-ивой.

— Умоляю, прости!

Он извинялся, даже не пытаясь вытирать с лица сопли и слёзы. Наконец, Такаоками-но-ками сжалился.

«Я дарю тебе этот черпак. Расплескивай им воду и питай леса на горе. Такова теперь твоя работа. И пусть однажды чистые потоки, которые ты породишь, утолят жажду людей».

Додзи очень обрадовался новому долгу. Он радовался, как ребёнок, осматривал черпак со всех сторон, брал его в руки всеми возможными способами и ни на секунду с ним не расставался.

Такаоками-но-ками невольно улыбался каждый раз, когда вспоминал те времена. Когда он думал о той семье, в первую очередь на ум приходил сам Додзи. Он не исправился и продолжил досаждать богу проделками, но лучше всего Такаоками-но-ками запомнились именно его радушная улыбка и привязанность к черпаку.

Стояла глубокая ночь. Такаоками-но-ками стоял перед кагами-ивой — тем самым местом, куда он снизошёл с небес. Он прикоснулся к камню. Рядом никого не было: простым прихожанам к скале подходить запрещалось.

Ршив стать отцом человеческим детям, Додзи обрёк себя на смертную жизнь. Он скончался, прожив чуть меньше двухсот лет. Умирая, Додзи обратился к своим детям и внукам с на редкость искренними для себя словами: «Служите Такаоками-но-ками».

Казалось бы, что мешало ему оставаться проказником до самого конца?

— Интересно, где сейчас тот черпак... — тихо пробормотал Такаоками-но-ками, пытаясь взглянуть в мутную память. Воспоминания расплывались, он не мог за них ухватиться.

— Черпак...

Сможет ли лакей отыскать его? Единственную вещь, которая связывала бога и ту семью?..

— У меня вопрос, Когане.

На следующий день после знакомства с неожиданным «помощником», Ёсихико встретился с Харуто после его уроков. Накануне Ёсихико составил список антикварных магазинов и ломбардов города, так что сегодня они прочёсывали Киото.

— Если уж ты знаешь про Додзи, может, тебе и о черпаке известно? Например, где и у кого он сейчас...

Зацепок не было, Ёсихико приходилось искать где попало. Они побывали уже в трёх магазинах, но не нашли ничего похожего. Ёсихико проверил интернет-аукционы, но и там черпака не нашлось.

— Я отчетливо помню, что черпак действительно существовал, но не знаю, где он сейчас. И даже если бы знал, всё равно бы не сказал, — бессердечно ответил божественный лис.

Ёсихико знал, что Когане слишком уважает обязанности лакея, чтобы давать такие подсказки, но всё равно решил попытать счастья.

— Ну да, ну да. Можно было и не спрашивать, — вздыхая, проворчал Ёсихико.

Харуто недоумённо посмотрел на него.

— Ты всегда такой?

Поскольку он не видел Когане, ему казалось, что Ёсихико разговаривает сам с собой и сам над собой издевается. Невольно взглянув на ситуацию со стороны, Ёсихико проникся смешанными чувствами и перевёл взгляд на Харуто. Он до сих пор не хотел мириться с тем, что этот молодой парень на проверку оказался выше него ростом.

— А что поделать? У нас с Когане все разговоры так выглядят.

Конечно, в людных местах Ёсихико старался не разговаривать с лисом, но частенько болтал с ним у себя дома или, например, сейчас. Из-за этого в семье начали считать, что в последнее время Ёсихико часто зависает на телефоне.

— С-слушай, а какой он, Хойдзин по имени Когане? Сияет золотом и ходит с посохом? Умудрённый опытом старец? — спросил Харуто, не сдержав любопытства.

Похоже, после рассказов бабушки ему стало страшно интересно, как на самом деле выглядят боги.

Когане задрал хвост и зашагал с надменным видом.

— Он ведь настоящий бог, да? Наверняка с пышной бородой и в традиционном кимоно? — добавил неугомонный Харуто.

Ёсихико подумал-подумал — и ответил одним словом:

— Пушистый.

— П-пушистый?!

— Угу, он лис.

— Лис?! — изумлённо воскликнул Харуто и посмотрел под ноги Ёсихико, хоть и знал, что ничего не увидит.

— Ты не мог выразиться иначе, Ёсихико?! Сказал бы честно, что я божественный лис, охваченный золотым сиянием!

— Думаешь, это честнее, чем «пушистый»? — уточнил Ёсихико, и Когане безжалостно пнул его по голени.

— А-а-ай!

Он попал точно по слабому месту — вот что значит божественная меткость.

От неожиданности Ёсихико чуть не грохнулся на землю.

— С-слушай, — Харуто постучал его по плечу, — он что, пушистее моей кошки?

— Откуда я знаю?!

Сейчас Ёсихико хотелось не говорить о пушистости, а услышать добрые слова. «Будь здесь Хонока, она наверняка бы пожалела меня», — мысленно проворчал Ёсихико. Разумеется, он бы

предпочёл гулять по городу в компании красивой девушки, а не говорливого школьника.

— Лучше скажи, начерта тебе вот это? — морщась, Ёсихико показал на пакеты, которые нёс Харуто.

Узнав, что Такаоками-но-ками ищет черпак, парень сразу же кинулся собирать все встречные черпаки и просто похожую посуду. И теперь они гремели на каждом шагу.

— Вдруг один из них настоящий?! Что плохого в том, что я прихватил их с собой?! — возмутился Харуто.

— Вдруг, блин... — Ёсихико схватился за голову. — Черпак Додзи был каменным. А у тебя в пакетах почти все пластмассовые.

— Мало ли!

— Какое к чёрту «мало ли»?! Ты думаешь, в древности их делали из пластмассы?!

Эти бесполезные черпаки Ёсихико забраковал сразу, даже не спрашивая у бога.

Попав под шквал критики, Харуто замялся. Вдруг его взгляд упал на каменную миску рядом с одним из домов неподалёку. Он ахнул и побежал туда. Судя по всему, когда-то это была чаша для умывания. В каменной ёмкости виднелась вода, но сашу уже не использовали по назначению: сейчас в ней качались водоросли и плавали маленькие рыбки.

— Вот! То что надо! Каменный и старый!

— Ты... Вообще знаешь, что такое черпак?

Может, у этого парня проблемы с памятью? Он забывает либо слово «каменный», либо «черпак».

— А он упрямый... — буркнул Когане.

Ёсихико тяжело вздохнул.

— Он до ужаса легкомысленный...

Оставив Харуто недоумевать, Ёсихико выдвинулся дальше. Ему не хотелось даже думать, какой толк может быть от такого помощника.

Когда гремящий черпаками Харуто поравнялся с Ёсихико, тот как раз добрался до очередного поворота и увидел следующий ломбард. Перед этим не было даже вывески. Старая деревянная дверь, стеклянные окна, надпись «Скупка старых вещей» белой аэрозолью. Если бы Ёсихико не узнал адрес заранее, он бы и не признал в этом здании магазин.

— Прощу прощения! — сказал он, отодвигая дверь в сторону.

Магазин был не слишком большим. На самых обычных столах стояли коимари[□]Традиционные японские декоративные тарелки. и просто разукрашенные тарелки. Были и старинные стеклянные изделия.

— О, какой молодой посетитель.

Пожилой владелец в черной вязаной шапочке, еле скрывающей седые волосы, и очках читал за прилавком газету.

— Вас что-нибудь интересует? Хотите что-нибудь продать?

— А, нет, я ищу одну вещь...

В других магазинах хозяева смотрели на молодого посетителя с неприкрытым раздражением, поэтому сейчас вежливость казалась особенно приятной.

— Понимаете...

— Мы ищем черпак, — выпалил Харуто, не дав Ёсихико договорить.

Ёсихико застыл с раскрытым ртом, затем выдохнул. Сначала Когане, первый спрашивающий о заказе, теперь Харуто. Почему ему так везёт на нетерпеливых товарищей?

— Черпак, сделанный из камня.

— Харуто, разговаривать буду я.

— Я тебе не дам присвоить всю славу.

— Слава тут вообще ни при чём!

Пока парни тихонько переругивались, владелец магазина отложил газету и вышел из-за прилавка.

— Каменный черпак, говорите?.. — с любопытством в голосе уточнил он.

Может, у него что-нибудь найдётся? Ёсихико решил уточнить:

— Со стороны он, правда, может показаться деревянным... Это старая вещь, передававшаяся по наследству в семье покровителей храма.

Ничего больше он добавить не мог, так как сам пресловутый черпак в глаза не видел.

— Впервые слышу, чтобы черпак делали из камня. Из золота или серебра — это да, такие до наших дней наверняка дожили.

— Вы и правда даже не слышали о таких черпаках? — упёрся Харуто. — Нам помогут любые сведения.

— А вы уверены, что он даже сейчас выглядит как черпак? — с улыбкой спросил продавец. — Например, вдруг у него уже нет ручки, и он стал похож на миску или ступу?

Ёсихико невольно переглянулся с Харуто. А ведь и правда, дети Додзи получили в наследство черпак тысячи лет назад. За это время он вполне мог изменить свой облик.

— Да... Об этом я не подумал... — пробормотал Ёсихико.

Наверное, не стоит ожидать, что черпак сохранился в идеальном состоянии. Но Такаоками-ноками, хоть наверняка и знал об этом, ничего на эту тему не сказал.

— Кстати, это тебя Харуто зовут? Уж не внук ли ты Токо-сан? — вдруг спросил продавец у Харуто.

— А, да, Токо — моя бабушка... — растерянно ответил Харуто.

Владелец магазина удовлетворённо улыбнулся и кивнул.

— Да уж, ты так вырос, а глаза по-прежнему, как у неё. У моих знакомых есть магазин в Кибунэ, мы им там помогали организовывать конкурсы хайку, она на них часто бывала. Как-то раз и тебя туда привела. У меня как продавца память на лица хорошая. Как она сейчас?

Ёсихико немного отступил, чтобы не мешать неожиданно встретившимся знакомым. Всё-таки мир и правда тесен.

Харуто немного промедлил с ответом.

— Она погибла в позапрошлом году из-за несчастного случая.

От удивления Ёсихико поднял голову. До сих пор он был уверен, что бабушка Харуто жива.

— Вот оно как... Извини, что спросил, — продавец поник.

— Ничего страшного, два года ведь уже прошло, — ответил Харуто.

Судя по его лицу, он уже действительно смирился с утратой. Но неожиданное открытие отозвалось в душе Ёсихико тупой болью.

Ведь он прекрасно знал, каково это терять дорогого человека...

— Сразу скажу, мне просто хочется высказаться, можешь меня не слушать, если не хочешь. Мне просто надо кое-что сказать вслух.

Они попросили владельца магазина сообщить, если что-то отыщется, а сами пошли в следующий ломбард. По пути Харуто вдруг заговорил, предварив свою речь странным вступлением.

— Я был хилым ребёнком, спорт мне не давался, поэтому надо мной часто подшучивали. До издевательств не доходило, но мне всё равно было обидно, так что я порой возвращался домой зарёванный. И каждый раз бабушка учила меня жизни.

Поскольку он предупредил, что «просто высказывается», Ёсихико даже не поддакивал. Он лишь продолжал идти на полшага впереди и вполуха слушать.

— Будучи непреклонным человеком, она всегда говорила мне, что если я не могу дать сдачи кулаками, то должен дать словами. Она настолько расходилась, что утверждала, мол, если я научусь побеждать во всех спорах, меня возьмут в адвокаты. В семье бабушка была главным авторитетом. Я слышал, она до последнего пыталась повлиять на то, как меня назовут.

Ёсихико начал догадываться, в кого Харуто такой говорливый. Похоже, он вырос именно таким, каким его хотела видеть бабушка.

— Но ещё она была очень сентиментальным человеком. Когда я чуть не утонул в реке, она сшила мешочек и положила в него камни-обереги, которые наказала постоянно носить с собой. Она до последних дней жизни наряжала алтарь в благодарность Кибунэ-мёдзину. Я видел, как она каждый день благодарит его. Поэтому я хочу отблагодарить его за нас обоих.

Харуто хотел принести пользу Такаоками-но-ками, расплатиться с ним по долгам. Вполне возможно, это желание появилось в нём при виде бабушки, регулярно украшающей алтарь.

— Я сейчас тоже выскажусь, — тихо заявил Ёсихико, когда они остановились у светофора перед потоком машин. — Я не хочу никого оскорблять, поэтому не скажу, что мне навязали эту жизнь. Я не хочу напускать на себя важность, поэтому не скажу, что унаследовал её. Пожалуй, лучше всего сказать, что она мне была суждена.

Он не смотрел на Харуто, но чувствовал на себе его подозрительный взгляд. В лицо дул горячий ветер.

— Мой дед тоже был лакеем, — признался Ёсихико.

Харуто вытаращил глаза. Вдалеке кто-то бибикнул. Шумели двигатели проезжающих машин.

— Он никогда не был многословным, но именно он лучше всех понимал меня.

Харуто попытался что-то сказать, но не смог подобрать слов.

Часть 3

— Который час?.. — спросил Ёсихико, потирая руки через рукава лёгкой толстовки.

— Полвторого, — сверился со смартфоном Харуто, переодевшийся в нейлоновую куртку, которую достал из-под сиденья скутера.

Обычно Ёсихико даже не думал о том, что ЖК-экран светится, однако во тьме телефон вспыхнул настолько ярко, что парни невольно прищурились и отвернулись.

Стояла глубокая ночь. Днём они обошли кучу ломбардов и антикварных магазинов, собирая всевозможные черпаки и то, что некогда могло быть черпаками. Им попадался только всякий мусор, продававшийся за бесценок, так что поход по магазинам не слишком ударил по кошельку. Но не факт, что им повезло добыть искомое. Их улов состоял в основном из треснувших мисек и заплесневелых каменных ведёрок. Нетрудно догадаться, что на каком-то этапе они от отчаяния начали собирать всё, что попадётся под руку.

— Тебе надо было ещё тогда остановиться. Голову, что ли, потерял? Ты лакей или кто? Может, ты как раз поэтому безработный? — не унимался Харуто, с трудом отрывая взгляд от пакетов с кандидатами в черпаки.

— Можно подумать, ты лучше. Вошёл зачем-то в раж и совсем перестал меня слушать.

Ночную тишину дороги в Кибунэ нарушали только их голоса. По словам Такаоками-но-ками, чтобы опознать настоящий черпак, им нужно добраться в час уси до кагами-ивы — скалы, на которую он снизошёл. Поэтому они, тщательно подобрав время, приехали в Кибунэ на скутере Харуто. Ёсихико полагал, что школьнику не стоит ездить ночью в такие дали, поэтому попробовал прогнать Харуто, однако тот так хотел помочь Такаоками-но-ками, что не стал слушать лакея. Заявив, что завтра выходной, он отвёз их обоих.

Решив, что ночью шуметь не стоит, они оставили скутер на парковке по дороге и пошли в гору. Холм зарос лесами, рядом текла вода, поэтому здесь было намного холоднее, чем в городе. Дорога не освещалась, полагаться приходилось лишь на маленький карманный фонарик.

— Да уж, час уси... — пробормотал Ёсихико.

Как он ни старался, это время всё равно казалось ему зловещим. Такаоками-но-ками настаивал, что Усинококу-маири придумали люди, но это всё равно реальное явление, и меньше всё Ёсихико хотел случайно столкнуться с теми, кто его практикует.

— Ты совсем идиот?! Я же специально пытался не думать! Нечего страху нагонять! Иди молча, идиот! Придурок!

Харуто на удивление сильно занервничал и даже перешёл на детскую ругань. Ёсихико до этого момента считал, что тот успокоился, а оказалось, парень просто молчал от страха.

— Кто обзывается, тот сам называется.

— Откуда ты вообще взял, что сейчас за время? Сколько раз Земля сделала оборот? Не говори того, о чём не знаешь!

— Ты когда-нибудь заткнёшься?!

— Когда ты уже признаешь, что я умнее? Хотя, такую похвалу просить не принято!

— Вы можете идти молча? — устало спросил Когане, взглянув на Ёсихико.

А ведь они всего лишь пытались подавить свой страх. В тишине тот сразу давал о себе знать.

— У-у меня с собой обереги бабушки. Я ничего не боюсь! — Харуто с улыбкой достал из кармана мешочек из грубого шёлка.

— Хватит уже про страх говорить! И давай не смотреть на землю, а то жутко становится. Смотри вон на небо, сегодня столько звёзд!

Пытаясь хоть как-то отвлечься, Ёсихико посмотрел наверх. Между деревьями виднелось столько звёзд, сколько в городе точно не увидишь.

— Кстати, а где Орион?.. — Ёсихико остановился и попытался найти какие-нибудь знакомые созвездия.

С обеих сторон тянулись склоны холма, пышная листва загромождала обзор, так что он видел лишь крохотную часть небосвода. Она была полна ярких звёзд, но Ёсихико не мог сложить их ни в одну известную ему фигуру.

— Орион ведь северное созвездие. В это время года и в этот час ты его точно не увидишь, — сказал Харуто, демонстративно вздыхая. — Сейчас должны быть видны летние: скорпион, летний треугольник и так далее.

Ёсихико недоумённо посмотрел на Харуто, тоже уставившегося в небо.

— Ты что, в звёздах разбираешься?

Харуто не был похож на отличника, но должен ведь у него быть любимый предмет.

— Не недооценивай школьников, — Харуто бросил на Ёсихико хмурый взгляд и вновь посмотрел в небо. — К тому же мы с бабушкой часто смотрели на звёзды. Кассиопея, созвездия вокруг Млечного Пути, Орёл, Большая Медведица...

— А, Большую Медведицу я знаю, — ухватился Ёсихико за название, чудом оставшееся в голове после уроков физики и географии. — Кстати, она ведь похожа на черпак, да?

Ёсихико на автомате попытался отыскать знакомую форму среди звёзд, отмечая про себя, что черпаки полностью завладели его сознанием.

— Да, но она в северной части небосвода, отсюда ты её не увидишь, — пояснил Харуто, показывая пальцем в дремучий лес к северу от них.

— Ну вот... — выдохнул Ёсихико, почему-то расстраиваясь.

Он не только не нашёл правдоподобный черпак, но и не смог полюбоваться небесным.

— Легче увидеть горизонт, чем Медведицу, пусть она и видна круглый год... — пробормотал Харуто, глядя в небо. — Бабушка всегда говорила, что эти звёзды присматривают за нами.

Ёсихико искоса посмотрел на лицо Харуто. Они вновь двинулись вперёд, и ему в голову пришла

мысль. Ёсихико вытащил смартфон. Но когда он уже почти загрузил поисковик, лис вдруг остановился. Ёсихико еле успел сменить траекторию, чтобы не наступить ему на хвост.

— Когане, какого чёрта ты...

— Вы что, не слышите? — перебил Когане, наостряя уши.

— Чего такое? — недоверчиво поинтересовался Харуто, останавливаясь возле Ёсихико.

— Да вот, Когане спрашивает, не слышим ли мы что-то там, — тихо пояснил тот Харуто и вслушался.

На спине выступил холодный пот. Ёсихико изо всех сил надеялся, что не услышит, как кто-то прибывает соломенную куклу длинным гвоздём.

— Неужели слишком тихо? — проговорил Когане и выдохнул в сторону молодых людей.

Вдруг Ёсихико услышал отчётливый звук.

— Это ведь... Голос?

Не желчный шёпот, которым изрыгают проклятия. Шумные, весёлые голоса. Совсем не то, что ожидаешь услышать в тихом лесу.

— Возле дальнего храма... — ошарашенно прошептал Харуто, тоже на миг получивший благословение Когане.

Через секунду он бросился бежать.

— Э-эй, ты куда?! Харуто!

Ёсихико бросился за фигурой, растворяющейся во тьме. Когане тоже побежал, но остановился через несколько шагов и посмотрел в небо. Ему показалось, что в чистом небе раздались тихие раскаты грома.

Когда они добрались до дальнего храма, то увидели на тесной парковке у входа маленькую машину. Со стороны главного здания раздавались голоса людей. Поблескивал свет, пахло порохом.

— Фейерверки, — понял Ёсихико и ощутил, как по ногам пробежал страх.

Разумеется, в храме строго запрещалось разводить огонь. Мало того, что главное здание и молельня деревянные, на склоне холма полным полно сухих листьев и веток, падающих с деревьев. Но в самую первую очередь Ёсихико ощутил не ужас, а кое-что ещё.

Он почувствовал молчаливый гнев горы и покрылся мурашками.

— Какого чёрта они творят?!

Едва Харуто осознал, что происходит, как пулей кинулся ко входу. Ворота на территорию, закрывающиеся в восемь вечера, была взломаны и распахнуты настежь. Неужели кто-то забрался внутрь?

Сразу за воротами слева располагался павильон омовений. Кажется, кто-то играл с водой, вычерпал её всю, а деревянные черпаки побросал на землю. Среди них затесалась пустая пивная банка.

— Что за глупец так ведёт себя на святой земле?.. — у Когане шерсть встала дыбом, когда он ощутил гнев местных духов.

— Может, позовём Такаоками-но-ками? — предложил Ёсихико и тут же сам всё понял.

Этот храм — его дом. Он не мог не заметить происходящее. Почему же его здесь нет? Может, при виде глупых людей, не понимающих, что они затягивают удавки на своих шеях, им овладело горе? Отчаяние?

— Эй, какого чёрта?!

Разъярённый Харуто подбежал к компании до того, как Ёсихико успел что-либо сделать. На вид они были студентами. Полураздетые, в окружении закусок и пива, они держали в руках фейерверки и шумели.

— Вы знаете, где находитесь?! — прикрикнул Харуто.

Студенты на миг притихли, но быстро поняли, что к ним подбежал не полицейский и не священник, а просто школьник. Раздался взрыв хохота.

— Чё? Чё значит где? На горе мы! А ты кто? Заблудившийся ребёнок?

Ёсихико нахмурился. Судя по всему, с этими так просто договориться не получится.

— Чё пристал, это просто фейерверки. Будто в лесу они кому-то мешают.

— Тушите! Что, если огонь перекинется на здания?!

Один из полуголых парней попытался зажечь фейерверк, но Харуто выхватил палочку у него из рук. Парень взбесился и взял Харуто за грудки.

— Ты чё творишь?!

Глухой стук. Харуто при всём желании не смог бы увернуться от удара по левой щеке. Он упал на землю.

— Харуто! — Ёсихико бросился к нему, но Харуто поднялся сам. С его губы стекала кровь.

— Как хотите, мрази! — крикнул он, набрасываясь на полуголого парня.

— Хватит, Харуто!

Студентов было четверо, все — мускулистые парни, уверенные в своих силах. Судя по тому, что они ничуть не стеснялись пускать фейерверки, вряд ли их можно назвать законопослушными. Против них — заурядный школьник, переживающий за Такаоками-но-ками, и бездельник с больным коленом. Откровенно говоря, шансов на победу немного.

— Остынь, Харуто, лучше позвать полицию! — Ёсихико вклинился между Харуто и полуголым парнем, пытаясь урезонить товарища. — И вообще, в храме должен быть ночной сторож!

— Помолчи и отвали!

— Если будешь драться, опустишься до их уровня!

Взгляд Харуто на мгновение дрогнул. Но тут студент схватил Ёсихико за шиворот и оттолкнул. Падая, Ёсихико крутанулся так, что правое колено отозвалось острой болью.

— Чё ты лезешь, а?! — услышал он, а в следующий миг левая щека ощутила сильную боль.

Затем его пнули в живот, из Ёсихико выбило дух. Боль пронизывала его насквозь, мешая дышать.

— Прекрати! — крикнул Харуто и попытался оттолкнуть парня, насевшего на Ёсихико, но его мигом схватил другой студент и сбил с ног.

— Харуто, хватит!.. — крикнул Ёсихико Харуто, который тут же встал, сжимая кулаки.

Щека Ёсихико онемела от боли, говорить получалось с трудом, но к счастью Харуто разобрал его голос.

— Но!

— Никаких но! — крикнул Ёсихико, держась рукой за щеку. — Не хватало ещё, чтобы и ты стал преступником.

Этого не хотели бы ни его бабушка, ни Такаоками-но-ками.

— Чего, преступником? Это ты о нас? — один из парней снова взял в руку фейерверк, ухмыльнулся и зажёл огонь. — Чтоб быть преступником, надо что-то поджечь.

Ёсихико вздрогнул, увидев его безумный взгляд.

— Мож, попробовать?

Говорил он с трудом — видимо, сильно напился. Парень поджёл фитиль и пошёл к главному зданию.

— Н-нет! — крикнул Харуто, но его снова повалили на землю.

Ёсихико вырывался как мог, но его надёжно прижимали к земле, так что получалось лишь беспомощно дёргать ногами. Тем временем разноцветные искры продолжали приближаться к деревянному зданию. Старая площадка перед ним наверняка вспыхнет, словно спичка.

— Нет! — воскликнул Ёсихико одновременно с тем, как сидящий поодаль Когане посмотрел в небо.

— А вот и он... — пробормотал Лис, когда ему на нос упала первая капля.

В какой-то момент звёздное небо скрылось за свинцовыми тучами. С неба полилась вода.

— Дождь?..

Все ночные посетители храма посмотрели в небо. На щеку Ёсихико упала холодная капля. Через считанные мгновения дождь резко усилился и полил как из ведра. Подул сильный ветер, тревожа деревья и сгоняя ливень к храму. Фейерверк мигом потух, и студенты от греха подальше побежали прятаться под дерево.

— Харуто, ты цел?

Кое-как поднявшись, Ёсихико дошёл до сидящего Харуто, подставил плечо и помог ему добраться до навеса главного здания. Только они встали под укрытие, как в чёрных тучах пророкотал гром.

— Только что ведь было ясно...

Запыхавшийся Ёсихико ещё раз поднял глаза. Дождь молотил нещадно, заглушая всё вокруг. От бьющихся капель возле земли висел туман. Завывал пронизывающий ветер. Во вспышке молнии мелькнули студенты, скучковавшиеся под деревом. В следующий миг грянул оглушительный, разрывающий небеса гром.

— Кажется, он всё-таки рассердился.

Когане, наконец, дошел до навеса, стряхнул с себя воду и повернул морду к небу.

— Ты о чём?

Ёсихико посмотрел вперёд. Дождь усилился настолько, что по земле текла настоящая река, уносящая и фейерверки, и пустые пивные банки. С навеса стекал шумный водопад, заглушая все разговоры. Вновь вспыхнула молния, и на миг Ёсихико увидел чёрную гору рядом с храмом.

— Нет, это... — прошептал Ёсихико.

Там, во тьме ночи, была не гора, а огромный дракон размером с гору.

Такаоками-но-ками, защитник земли и повелитель воды.

Голубая молния безжалостно ударила в землю рядом с напуганными студентами, и неистовый рёв владыки вод вновь сотряс мир.

— Красивые они, звёзды, — пробормотал Ёсихико, отрывая взгляд от экрана смартфона. Он сидел, прислонившись к молельне.

Небо вновь прояснилось, словно и не было никакого ливня. Мерцали звёзды. На парковке сверкали красно-синими огнями машины полицейских, в которые как раз грузили студентов. Разумеется, патрульные допросили и Ёсихико с Харуто, однако сразу поняли, что они жертвы, к тому же прибежавший на шум сторож узнал Харуто, частого посетителя храма. Полицейские всё-таки отчитали ребят за ночную вылазку, но ничего предъявить не смогли: хоть Харуто и школьник, но Ёсихико взрослый, так что вполне годится на роль сопровождающего. Вскоре их отпустили. Что же до студентов, то молния, ударившая рядом с ними, слегка обожгла их и сильно напугала. К полицейским машинам они шли, содрогаясь.

— Да, красивые... — протянул сидевший рядом Харуто. Судя по его лицу, он до сих пор не верил тому, что только что произошло.

Почти сразу после удара молнии на территории храма появился владелец одного из соседних ресторанов, решивший посмотреть, не обвалился ли храм от такой непогоды. Это он вызвал полицию и сторожа. Увидев Харуто, владелец ресторана озадаченно pokrutil головой.

— Слушай-ка, это ты внук Такаоки? Который ещё в детстве в реке тонул? — спросил мужчина лет шестидесяти с чем-то.

— Д-да, я! — Харуто замер с вытаращенными глазами.

— Ага, так я и думал! Вы ведь как раз у меня обедали. Только мы отвлеклись, как ты пропал. Хорошо помню, как мы весь ресторан на уши подняли и бросились тебя искать. Да-а, хорошо, что ты не пострадал.

— П-простите, что доставил столько хлопот!..

Харуто виновато поклонился. Он вряд ли ожидал, что человек, помогший ему в детстве, придёт на помощь и сейчас.

— У судьбы столько причуд. Давным-давно, во времена Эдо и Мэйдзи предки Токо-сан жили в Кибунэ, поэтому она часто бывала здесь — пыталась поддерживать старые связи. А сегодня вот вместо неё пришёл внук, — пустился ресторатор в приятные воспоминания.

Первым на его слова отреагировал Ёсихико, а не Харуто.

— Извините, вы сказали, что предки бабушки Харуто жили в Кибунэ?

Харуто тоже смотрел на мужчину так, словно впервые слышал об этом. Узнать что-то о происхождении бабушки — такой шанс выпадает не каждый день.

— Верно. Я слышал, это была семья покровителей храма. Прошлый настоятель хорошо их знал. Ну, ты не мог знать, он уже умер, — мужчина понимающе кивнул.

— Скажите, а фамилия той семьи случайно не... — настороженно поинтересовался Харуто.

— Хацу. Это была семья Хацу, — спокойным голосом ответил ресторатор.

— Я должен тебя на всякий случай спросить... — заговорил Ёсихико, когда полицейские уехали.

Однако Харуто ответил ещё до того, как вопрос прозвучал.

— Про черпак? Я изо всех сил пытаюсь вспомнить, но нет, вроде бы мне никто ничего не рассказывал...

Ёсихико предвидел такой ответ. Он снова посмотрел в небо. Большой Медведицы не было, но он всё равно думал о ней.

— Не понимаю, почему бабушка никогда не рассказывала про семью Хацу. Она столько говорила о богах и о синто, но о семье — ни разу. А ведь это объясняет, почему она так поклонялась Кибунэ-мёдзину, хоть и не жила здесь.

Харуто говорил с трудом. От удара левая щека опухла, да и рот, видимо, до сих пор болел.

— Возможно, она думала рассказать потом... — высказал Ёсихико первое пришедшее в рот объяснение и взял неловкую паузу перед тем, как закончить. — Просто не успела.

Харуто сказал, что его бабушка погибла из-за несчастного случая. Скорее всего, она просто не успела оставить завещание. Если бы знала о своей смерти наперёд, то наверняка оставила бы Харуто письма, в которых бы всё рассказала.

Харуто ничего не ответил и уставился на землю. Наверняка ему тоже хотелось побольше узнать от бабушки о своих предках.

— Стало быть, мальчик, который тонул в тот день, оказался наследником Хацу? — раздался знакомый глубокий голос.

Ёсихико поднял голову.

— А, Такаоками-но-ками.

Неизвестно когда появившийся бог воды стоял возле Когане. Харуто рассеянно посмотрел по сторонам.

— А, что, где? Где?!

— Вон там.

Ёсихико дёрнул Харуто за одежду и показал, куда смотреть. Конечно же, это не помогло школьнику увидеть бога.

— Г-господин Такаоками-но-ками! — обратился Харуто к богу, которого не видел и не слышал.
— Я всегда хотел отплатить вам за спасение! Я хотел помогать вам, как помогает лакей. Даже спустя столько лет моё желание не изменилось. Но... Пожалуйста, ответьте мне.

Бесцельно водя взглядом, Харуто изо всех сил искал нужные слова.

— Вы спасли меня, потому что во мне течёт кровь Хацу?

Ёсихико посмотрел на Такаоками-но-ками в смешанных чувствах. Вопрос мог показаться неуместным, но Харуто ведь не мог знать о том, что Такаоками-но-ками больше не разыскивает кровь Хацу.

— Если говорить правду... — медленно заговорил Такаоками-но-ками после задумчивого молчания. — То я действительно нашёл тебя, упавшего в реку и застрявшего между скалами. Но я не собирался тебя спасать. Дело не в том, кто ты, а в том, что боги не вмешиваются в жизнь и смерть людей.

Такаоками-но-ками прищурился, вспоминая те события.

— На самом деле, когда я подошёл к тебе, ты уже не дышал. С лёгкой тоской подумал, что жизнь этого ребёнка стала очередной каплей дождя, которая упала в реку, текущую на небеса. Я уже собирался уйти, но...

Когда Такаоками-но-ками повернулся спиной, он услышал, как из горла мальчика раздался хрип. Вдруг ребёнок закашлял. Изумлённо обернувшись, бог увидел на бледном лице лёгкий румянец. Мальчик снова начал дышать, пусть и слабо.

«Какое сильное дитя», — подумал Такаоками-но-ками, невольно улыбаясь. Он проникся красотой и трогательностью стремления людей к жизни. Даже маленький ребёнок до последнего цеплялся за жизнь. Вдруг застывший Такаоками-но-ками услышал голоса людей,

ищущих мальчика. Бог послал ветер в уши бабушки мальчика, возглавляющей поиски, и направил её к нему. А затем ушёл, не сделав ничего другого и оставив жизнь мальчика во власти судьбы и его собственных сил.

— А ведь и правда, бабушка сказала, что нашла меня благодаря... — прошептал поражённый Харуто, когда Ёсихико пересказал ему слова бога.

Он не думал, что всё произошло именно так.

— Поэтому мой тебе ответ — нет. Я не знал, что ты потомок семьи Хацу. Кроме того, ты преувеличиваешь, когда говоришь, что я спас тебя. Сейчас ты жив потому, что пытался выжить. И потому, что другие люди хотели, чтобы ты жил, — Такаоками-но-ками посмотрел на Харуто добрыми глазами. — Прямо сейчас в тебе течёт живая кровь, которую ты унаследовал от родителей, бабушки и её предков. Да, уважать и благодарить богов важно, но никогда не забывай о корнях. Тысячи поколений рождались и умирали, чтобы ты появился на свет. И многие поддерживали тебя, чтобы ты выжил.

Когда Ёсихико пересказал речь Харуто, по щекам того скатились две капли. Он лучше всех знал, что это правда. Он понимал, что его бабушка и многие взрослые сделали всё возможное, чтобы спасти его.

Боги или люди даровали ему жизнь? И те, и другие.

Но в этом нет ничего особенного. Таков договор между людьми и богами, и он касается всякого.

Ёсихико взглянул на застывшего Харуто. Ещё когда тот рассказал историю о падении в реку, Ёсихико озадачился. Если Такаоками-но-ками не отвечает даже на Усинококу-маири, то неужели ни с того ни с сего спасёт жизнь человеку? Однако тогда Ёсихико не мог представить всей глубины случившегося.

— Кровь предков... — пробормотал Ёсихико.

Ему померещилось, что он только что заглянул в бездну истории. Бог напомнил ему, что за каждой жизнью тянется хвост из множества других.

— Мне достаточно уже твоего желания помочь мне. На фоне хора эгоистичных желаний других людей твои слова благодарности звучат особенно приятно. Для меня счастье их слушать.

Ёсихико повторил слова для Харуто, затем нахмурился и повернулся к Такаоками-но-ками.

— Слушай, мне уже надоело переводчиком работать, говори-ка с ним сам. Ты ведь можешь поменять магнетизм, чтобы Харуто увидел тебя? — спросил он, устав от синхронного перевода.

— О чём ты, Ёсихико?! — немедленно прицепился Когане к его словам. — Боги не могут просто так показываться на глаза людям!

— Да ладно тебе, он ведь наследник Хацу.

— Это ничего не меняет, — резко ответил Когане, и Ёсихико вытащил из рукава последний козырь:

— И у него тот черпак, который ищет Такаоками-но-ками.

Первым изумился сам Харуто.

— А? О чём ты? У кого черпак, у меня? Я этого не говорил! Тебя что, по голове били?!

— Не били, — отозвался Ёсихико, повернулся к недоверчиво смотрящему Такаоками-но-ками и показал пальцем в небо. — Сейчас, конечно, не видно, но на небе есть Большая Медведица, да? Я тут по телефону посмотрел и узнал её японское название — «хокуто». Причём «то» пишется иероглифом, который означает «черпак».

Почему бабушка Харуто говорила, что Большая Медведица присматривает за ними? Да, это созвездие видно круглый год, но должна быть и другая причина.

— Харуто, эта бабушка — по отцовской линии?

Харуто на секунду растерялся, услышав неожиданный вопрос.

— По отцовской...

— Как звали твоего отца?

— Акито...

— Бабушку Токо, отца Акито, тебя Харуто. Во всех именах иероглиф «черпак». Уверен, если пойти ещё дальше, окажется, что такие имена были у всех в семье Хацу, — Ёсихико снова повернулся к Такаоками-но-ками. — Ты знаешь, мне кажется, черпака больше нет. Скорее всего, именно поэтому семья Хацу начала вставлять его в имена детей, чтобы те не забывали об узах Такаоками-но-ками и Додзи. Признайся, на самом деле ты искал вовсе не черпак, да?

С самого начала заказ показался ему подозрительным. Когда в ломбарде сказали, что черпак уже наверняка изменился до неузнаваемости, в голову Ёсихико пришла мысль. Черпак, созданный тысячи лет назад, мог истлеть и исчезнуть, даже если его никогда не теряли.

Такаоками-но-ками должен был понимать это. Тогда почему ему вдруг понадобился черпак? Да, черпак мог навредить людям, но до сих пор о таких случаях не даже слухов не ходило.

Почему он попросил найти черпак? Почему вообще вспомнил о нём? Скорее всего, ему был важен не сам черпак, а чувства — такие простые, что их понимал даже Ёсихико.

— Ты хотел снова увидеть его, — сказал лакей к изумлению Такаоками-но-ками. — Ты хотел увидеть Додзи, того самого сорванца, которому подарил черпак.

Такаоками-но-ками показалось, что свежий ветер пронёсся сквозь его мысли. Он застыл как вкопанный. Времена изменились, семья покровителей покинула эти земли. Такаоками-но-ками благословил их свободу, его полностью устраивали священники, заменившие покровителей, и даже с постепенной потерей сил он со временем смирился, но однажды в нём проснулись воспоминания о пустяковых чувствах.

О том, как они с Додзи впервые ступили на землю.

О том, как он отчитывал своего болтливового соратника.

О том, как он подарил рыдающему Додзи черпак возле кагами-ивы.

О том, как тот радовался и не расставался с подарком.

Додзи казался ему очаровательным, словно младенец. Все воспоминания Такаоками-но-ками были только о нём. Однажды он понял, что хочет снова увидеть его, и запретил себе вспоминать. Додзи уже отошёл в мир иной. Сколько бы он ни звал, Додзи уже не вернётся. И когда Такаоками-но-ками подавил свои чувства, им на замену пришло желание вернуть хотя бы тот самый черпак.

Он хотел держать его в руках и беречь. Поэтому обратился с заказом к лакею, даже не понимая, что черпак давно стал для него олицетворением Додзи...

— Да... да, я хотел увидеть его. Я видел сон о несбыточной мечте... — Такаоками-но-ками опустил взгляд на свои руки.

Слёзы полились из его глаз. А ведь он так маялся от проделок Додзи и так много ругался с ним.

— О том, что было бы, если бы я вновь встретил его...

Того маленького чудака, которого он любил как родного сына.

Когане повёл ушами, не поднимая головы. Возможно, и он понял потаённую мысль Такаоками-но-ками, которую тот сам не осознавал .

— Вот почему ты так отчаянно искал его, — тихо произнёс Ёсихико.

Такаоками-но-ками боялся, что если исчезнёт черпак, пропадёт последняя нить, которая связывает его с Додзи.

Хотя это совсем не так.

— Но вот же он, твой черпак, — Ёсихико взял Харуто за руку и подвёл к Такаоками-но-ками. — Даже закончив свою службу и спустившись с гор, семья Хацу не забыла о тебе.

Живой, пусть и далекий от бога черпак тому доказательство.

— Я — черпак?.. — ошалело пробормотал Харуто, всё ещё не до конца понимая происходящее.

— Получается, твоя жизнь олицетворяет всё... — Такаоками-но-ками медленно протянул руку.

Воспоминания о годах, проведённых рядом с Додзи, память о поколениях семьи Хацу... И даже тот черпак, которого больше нет.

— Господин Такаоками-но-ками, я ничего не знаю про семью Хацу, я не могу заменить Додзи, я даже не вижу вас, но... — глаза Харуто забегали, будто он пытался отыскать незримого бога. — Можно, я и дальше буду приходить сюда?..

Ночной ветерок подхватил его голос и доставил тому, кого они много поколений назад называли своим хозяином.

— Разумеется, — раздался короткий ответ, и щека Харуто ощутила тепло.

Школьнику показалось, что перед ним мелькнула фигура ласково улыбающегося старца.

— Значит, ты справился?..

Побитые и помятые, Ёсихико и Харуто к утру разошлись по домам. Измотанный, Ёсихико провалялся в постели весь день, и лишь на завтра, в воскресенье, подтянулся к обеду в храм Онуси, чтобы встретиться там с Хонокой, волновавшейся о ходе заказа.

— Угу. По-моему, даже с сумо было полегче...

Ёсихико присел на каменную ступень и показал Хоноке молитвенник. Поверх имени Такаоками-но-ками, написанного чёрными чернилами, красовалась красная печать в виде ручья.

— Ты ходил в больницу?..

Хонока обеспокоенно смотрела на его лицо. Отеки уже сошли, но синяки и царапины пока остались. Ёсихико тоже не ожидал, что по ходу заказа придётся участвовать в драке.

— Да нет, это ведь просто ушибы и ссадины. Хотя семья, конечно, неприятно удивилась.

Когда он вернулся вчера побитый, сестрёнка хмуро спросила, не стыдно ли ему драться в таком возрасте. Мать начала фантазировать на тему того, не поссорился ли он с тайной пассией. Отец поддержал её молчаливым кивком. «В этой семье хоть кто-нибудь за меня переживает?» — тоскливо подумал Ёсихико. Что до Когане, то он спросонья вообще заехал лапой по лицу спящего лакея. Ёсихико был уверен, что лис сделал это нарочно.

— Наглеешь, Ёсихико, втайне от меня свидания устраиваешь, — бросил Котаро. Он как раз возвращался после уборки, заметил по пути сидящих на ступени знакомых и решил подойти.

Несмотря на сказанное, лицо Котаро сияло и чуть ли не лучилось.

— Свидание?.. Если бы я хотел от тебя что-то скрыть, пришёл бы не в этот храм, а... — попытался возразить Ёсихико, но Котаро перебил его:

— Но ничего, у меня сегодня отличное настроение. По этому поводу я тебя прощаю! Смотри, как прекрасен мир!

Котаро раскинул руки в стороны (не выпуская метлы) и запрокинул голову, упиваясь летними лучами. Когане, чистивший шкуру наверху лестницы, с подозрением посмотрел на него:

— Может быть, гоннеги съел что-то не то?

Чужачество Котаро и правда заставляло заподозрить нечто подобное.

— Чего он кривляется? — шёпотом спросил Ёсихико у Хоноки.

Котаро определённо был не в своём уме. Обычно он никогда не отыгрывает героя мюзикла.

— Я слышала, вчера поймали преступников, которые мусорили в храмах... Ими оказались местные студенты... — тихо ответила Хонока, неловко нагибаясь к уху Ёсихико. — Поэтому с утра в храме было чисто...

— Неужели поэтому?..

Котаро вытанцовывал с метлой, словно с тростью. Когда у него спросили дорогу, он ответил где-то на треть радужнее, чем обычно. Наверняка бабушки при виде такого священника растают от умиления.

— А, вот ты где!

Когда Ёсихико проводил взглядом Котаро, ушедшего показывать дорогу очередным прихожанам, возле них остановился скутер.

— Так и знал, что ты опять где-то здесь ошиваешься. Да ещё и на пару с Ёсидой-сан! Нечего бездельничать, лакей, иди принимай заказы, — разошёлся Харуто, сидя в кресле своего железного коня и глядя в избитое лицо Ёсихико.

— Ты сам-то что тут забыл? Делать нечего?

— Мне-то как раз есть чего. У меня полно других дел, так что скажи спасибо, что я потрудился отыскать тебя, — Харуто заглушил мотор, снял шлем и уверенным движением вытащил из кармана штанов шёлковый мешочек-оберег. — Когда я вчера раздевался, мешочек выпал у меня из кармана. Узел развязался, высыпались камушки. Я знал, что они там есть, но никогда о них не задумывался...

— Покажешь?

Вроде бы он рассказывал, что эти камни были очень дороги его бабушке. Харуто картинно кивнул.

— В качестве особого одолжения.

Шёлковый мешочек оказался немного тяжелее, чем ожидал Ёсихико. Хонока тоже с любопытством посмотрела на оберег. Ёсихико развязал узел, бережно перевернул мешочек и высыпал в ладонь белые камешки размером с ноготь.

— Камни...

Приглядевшись, Ёсихико заметил, что у камней есть как бугристые грани, так и гладкие. Похоже, камни не появились сами по себе, а были раньше частью чего-то. Прожилки на плоских гранях действительно придавали им сходство с древесными щепками.

— А... неужели это... — обронил Ёсихико, догадавшись, и посмотрел на Харуто.

— Я не могу знать наверняка, это просто моя догадка... — Харуто забрал камни из рук Ёсихико и ещё раз посмотрел на них. — Возможно, когда семья Хацу спустилась с горы, черпак сломался. Тогда они решили разделить его останки между членами семьи... А может, между ветвями. Позднее камни превратились в обереги, которые передавались по наследству... Наверняка за это время многие потерялись, так что вряд ли их сейчас уже можно собрать, но...

Харуто осторожно сжал подарок бабушки в руке.

— Ты ведь говорил, что черпак можно узнать наверняка, если поднести его в час уси к кагами-иве, так? Значит, я сегодня же...

— Не надо, — мягко остановил его Ёсихико, не дав договорить.

— Что? Но ведь... — Харуто растерянно моргнул. Он не ожидал, что Ёсихико будет против. — Когда Такаоками-но-ками узнает, что часть черпака до сих пор передаётся по наследству, он наверняка обрадуется...

— Ну, то что не расстроится, это понятно...

Ёсихико отдал Харуто пустой мешочек и поднялся. Он понимал, что бабушка, сшившая этот мешочек, вложила в работу все свои чувства.

— Что, если камни не засветятся, когда ты поднесёшь их к кагами-иве? Что, если это самые обычные камни? Уверен, что не расстроишься?

Харуто вытаращил глаза.

А ведь действительно, даже черпак не обрадует Такаоками-но-ками так, как обрадовала встреча с наследником крови Додзи. Безусловно, черпак — драгоценное сокровище, с которым у бога связано множество воспоминаний. Но всё-таки это вещь, которой суждено однажды

истлеть и исчезнуть.

— Эти камни — не только куски черпака, но и оберег, который сделала тебе бабушка. Пусть им и остаются.

Ёсихико не знал, настоящие ли это осколки черпака, но не сомневался насчёт чувств бабушки Харуто.

— Я тоже думаю, что так будет лучше... — тихо согласилась Хонока и посмотрела на Харуто. — Мне тоже кажется, что важнее чувства...

— Чувства... — Харуто вновь посмотрел на камни.

В его мыслях промелькнул образ бабушки, которая вручала их ему со словами, что они наверняка помогут ему в трудную минуту.

— Да, пожалуй...

Харуто сложил камни в мешочек и завязал его. Затем слегка удручённо посмотрел на Ёсихико.

— Т-только не подумай, что я послушал только тебя. Меня убедили слова Ёсиды-сан!

Ёсихико устало выдохнул. Вот зачем этот парень упирается?

— Ладно-ладно, пусть будет по-твоему. Ну что, Хонока, вот теперь всё точно позади. Кстати, я немного проголодался, сходим куда-нибудь? — предложил Ёсихико, нарочно отводя глаза от Харуто.

На самом деле, у него не до конца зажил рот, так что пока Ёсихико питался только холодной лапшой. Мать, по ошибке решив, что нужен просто холод, приготовила Ёсихико холодную лапшу дандан[□]Китайская лапша в очень остром соусе.. От неё Ёсихико чуть в обморок не упал.

— Э, что за?! Я сам думал вас позвать, какого чёрта ты меня опередил?! И вообще, почему ты не зовёшь меня?!

— О? Хочешь с нами?

— Н-не то, чтобы хочу...

Харуто быстро замялся, Ёсихико с трудом сдержал ехидный смешок. У Харуто, в отличие от

невозмутимой Хоноки, все эмоции написаны на лице. Ёсихико был совсем не против дружить с ним.

— Может, холодный удон?.. — предложила Хонока, вставая.

— Неплохо, одобряю, — согласился Харуто.

— А на десерт чего-нибудь сладкого, — продолжил Ёсихико и пошёл к выходу вместе с Хонокой.

— Эй, стоять! Меня подождите! — Харуто бросился следом, ведя скутер за руль.

На асфальте плясали июньские лучи. До сезона дождей оставалось совсем немного.

<http://tl.rulate.ru/book/101717/4513792>